

Нуриева Фануза Шакуровна

НАЗВАНИЯ ПИЩИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена изучению наименований пищи в языке письменных памятников золотоордынского периода. Вводится в научный оборот целый пласт предметно-бытовой лексики из средневековых художественных произведений, даются новые сведения о фиксации наименований зерновых, бобовых, огородных и садовых растений, названия пищи животного происхождения, молочных продуктов, названия напитков. Проведенное исследование позволило сделать выводы о языковых средствах старотатарского языка для наименований материальной культуры. Названия пищи принадлежат к наиболее архаичной лексике, арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов или составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 143-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В данном контексте особенно значимы семантические компоненты «неизбежность», «неотвратимость». В них выражено глубокое понимание поэтом того, что ночь – это объективная реальность, существующая независимо от сознания человека, явление, которым невозможно управлять. Мотив неизбежности, связанный с образом ночи, развивается в лирике Анненского в двух направлениях: понимание неизбежности социально-исторических событий и осознание неизбежной быстротечности жизни.

В стихотворении «Петербург» есть такие строки:

Только камни нам дал чародей,

...

Да пустыни немых площадей.

Где казнили людей до рассвета [Там же, с. 287].

Сама ночь ощущается поэтом *каменной*. Этот образ соотносится с образом ночи в стихотворении «То и Это»: Ночь не тает. Ночь как камень... [Там же, с. 102].

Дальнейший анализ знаков непрямого номинации позволяет выявить на фоне окказиональных семантических трансформаций уникальность восприятия действительности языковой личностью (автором). Подобный анализ имеет решающее значение при исследовании индивидуально-авторского творческого пространства. Отметим, что знаки непрямого номинации имеют основополагающее значение при формировании именно центральной части Функционально-семантического текстового поля, к периферии поля их значение уменьшается.

Список литературы

1. **Анненский И. Ф.** Трактир жизни: Стихотворения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 447 с.
2. **Бондарко А. В.** Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005.
3. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. Т. 3.
4. **Новиков Л. А.** Художественный текст и его анализ. М.: УРСС, 2003. 303 с.
5. **Новикова У. В.** Иннокентий Анненский: основы эстетики. СПб.: Серебряный век, 2010. 152 с.

SIGNS OF INDIRECT NOMINATION IN THE STRUCTURE OF FUNCTIONAL-SEMANTIC TEXT FIELD

Novikova Ul'yana Viktorovna, Ph. D. in Philology
Beretskaya Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy
Kuban State Technological University
Uliana_novik@mail.ru; Beresth_1972@mail.ru

In the article the problem of the analysis of signs of indirect nomination in the structure of the functional-semantic text field is considered. The notions “semantic field” and “functional-semantic text field” are compared. The authors come to the conclusion that the study of signs of indirect nomination is crucial in the research of individual authorial creative space.

Key words and phrases: signs of indirect nomination; semantic field; functional-semantic text field; functioning of the linguistic sign; interpretation of the literary text.

УДК 8;80.800:81-2

Филологические науки

Статья посвящена изучению наименований пищи в языке письменных памятников золотоордынского периода. Вводится в научный оборот целый пласт предметно-бытовой лексики из средневековых художественных произведений, даются новые сведения о фиксации наименований зерновых, бобовых, огородных и садовых растений, названия пищи животного происхождения, молочных продуктов, названия напитков. Проведенное исследование позволило сделать выводы о языковых средствах старотатарского языка для наименований материальной культуры. Названия пищи принадлежат к наиболее архаичной лексике, арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов или составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи.

Ключевые слова и фразы: золотоордынский; памятники; лексика; наименования; пища; зерновые; продукты.

Нуриева Фануза Шакуровна, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
fanuzanurieva@yandex.ru

НАЗВАНИЯ ПИЩИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА[©]

В настоящее время перед лингвистами стоит задача создания исторической лексикологии татарского языка. Несомненно, такой труд может быть осуществлен в результате обобщения лексического материала, собранного

на протяжении тех или иных периодов истории языка. Бытовая лексика составляет важную часть словарного состава памятников, которая связана с выражением необходимых жизненно важных понятий, отражающих сферу удовлетворения повседневных материальных потребностей. К ним относятся продукты питания, предметы домашнего обихода, разного рода строения и жилища, это предметы одежды, включая украшения.

На примере художественных тюркоязычных произведений, написанных в золотоордынский период (религиозно-дидактического характера – «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1357), из светских – «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи (1391)), попытаемся анализировать названия пищи, зафиксированные в литературных текстах изучаемого периода. Письменные источники показывают, что наиболее распространенными видами пищи в этот период были продукты переработки зерновых. Общим названием для понятия «зерно, провизия» было слово «ашлык»: *Кабил игенче ирде ашлыкларында йаманракуны калтурде* [9, s. 337] / *Кабил был земледельцем, из зерна принес не качественные (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Ф. Н.); Кабилның ашлыкыны кабул кылмады* [Ibidem] / *не принял зерно Кабила; йер урлук алмайынча бирмэз ашлык* [10, s. 101] / *пока земля не получит семя, не даст хлеба.*

Из отдельных зерновых в текстах встречаются наименования:

бугдай «пшеница»: *бугдай тамаг этмэ шур йердэн* [8, p. 85] / *не желай от соленой земли (солончак) пшеницу; бугдай йыгачынга йавумаң* [9, s. 282] / *не приближайтесь к колосьям пшеницы и др.;*

арпа «ячмень»: *евдэ төрт батман арпа* [Ibidem, s. 30] / *дома есть четыре батмана ячменя бар;*

тары, тарыг «просо, зернышко»: *йер көк катында бир тары тек* [10, s. 114] / *земля по сравнению с небосводом – зернышко проса; бизим илдэ тарыгдин нэрсэ кылулар* [9, s. 182] / *в нашей стране из проса делают напиток;*

тутурган «рис»: *мэн екнчи ердим тутурган игэр эрдим* [Ibidem, s. 294] / *я был земледельцем, сеял рис;*

кирдэ «кукурузный хлеб» – заимствование из персидского языка: *газиз эр сафарда кирдэ йахнидур* [8, p. 73] / *дорогой друг, в пути кукурузный хлеб, как мясное блюдо.*

Из названия съедобных бобовых растений употребляются слова:

йасмук «чечевица»: *эки таи бар йасмукдин улуграк* [9, s. 43] / *есть два камня побольше чечевицы;*

бурчак «горох»: *алнындан бурчак мэнизлек гарак кэлур эрде* [Ibidem, s. 417] / *со лба катился пот величистой с горох.*

Древний характер зерновых в культуре тюрков очевиден, наименования бобовых зафиксированы в древнетюркских словарях.

Название молотого зерна *ун* «мука» широко распространено в золотоордынских текстах. Например: *тэгимэн бар ак итэр ун* [10, s. 105] / *перед ним мельница мелет белую муку; бир тагарчук ун тултырды* [9, s. 214] / *наполнил один мешок муки; ул уннуң хамуры килдеме* [Ibidem, s. 320] / *поднялось ли тесто из этой муки и др.* Заимствованное из арабского *тесто* «хамир» в известном значении употреблялось в тексте «Нахдж ал-Фарадис»: *салих евидин хамир майа алып этмэк бишурде* [Ibidem, s. 220] / *благочестивый взял тесто и испек хлеб.* Среди наименований изделий из теста центральное место занимает частотное слово *этмэк* «хлеб», отмеченное еще в древнетюркских памятниках. Например, в произведении «Нахдж ал-Фарадис» зафиксировано 63 словоформы: *бир чанак бирлә аш калтурмиши, такый эки этмэк калтурмиши* [Ibidem, s. 121] / *принесла тарелку супа и две буханки хлеба; арпа этмэгене тойа йеде эрсэ* [Ibidem, s. 267] / *если досыта поест хлеб из ячменя; ток көзингэ арпа этмэги көрунмэс* [8, p. 18] / *сытым твоим глазам хлеб из ячменя не покажется прекрасным и др.*

В тексте из конкретных блюд из зерновых зафиксировано *буламак* «каша из муки»: *Гомэр буламак кылды* [9, s. 24] / *Гумар приготовил кашу и другие.*

Общим названием приготовленной пищи служило наименование *аи* «суп, пища»: *аи пиште* [Ibidem, s. 28] / *суп сварился; бир кэрсэн аи такый йети этмэк бируңнар* [Ibidem, s. 29] / *дайте тарелку супа и семь буханок хлеба; евендэ отун йок аи пиширмэккэ* [Ibidem, s. 269] / *в доме не было дров, чтобы приготовить пищу; ызды түрлук аи вэ нигмэт* [10, s. 81] / *отправил разные кушанья; кылдурмиши куп аи-су* [Ibidem, s. 27] / *приготовили много еды и др.* Синоним *йем, йемэк* «пища, пропитание» отмечен в текстах Кутба «Хосров и Ширин», «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари: *йеми хасрат ичими рэнжү казгу* [8, p. 225] / *его еда – горе, а питье – боль и горе; йемэк ичмэк тилэр* [9, s. 61] / *желает еды и питья.* Для передачи общего понятия «еда, пища» в произведении «Нахдж ал-Фарадис» использованы арабские заимствования *طَعَامٌ*, *رِزْقٌ* и *غِذَاءٌ*: *رِزْقٌ*: *тэгам* (от араб. *طَعَامٌ* «пища, еда»), *гыйза* (от араб. *غِذَاءٌ* «пища, питание, еда»), *ризык* (от араб. *رِزْقٌ* «пропитание, средства к существованию, пища»):

Ул куэт раббани ирде, тэгам тагы гыйзадин түгел ирде [Ibidem, s. 132] / *то была божественная сила, а не сила от еды и пищи; пэйгамбэр дөһияны жэмигь кылмады, суфрасында ике төрлег тэгам йимэде* [Ibidem, s. 106] / *пророк не накапливал богатства этого мира и за обеденным столом одновременно не ел два вида пищи; ризыкны тэнавел кылдылар* [Ibidem, s. 63] / *приняли пищу.*

Рассматривая названия огородных растений, можно отметить слова:

сарымсак «чеснок»: *тагамда бурнумга сарымсак йызыгы калде* [Ibidem, s. 25] / *из пищи запахло чесноком; ашынга үкүш срымсак катмыш* [Ibidem, s. 422] / *в еду добавил много чеснока;*

соган «лук»: *ай йүзлүнүң агзында гэр булса суган иси* [8, p. 134] / *если присутствует запах лука в устах красавицы.*

Несколько узкий круг составляют названия садовых растений. В качестве общего наименования плода служит слово *йемиш*: *сэниң тэклэргэ биргү йемишем йок, киши багы йемишин йемишем йок* [10, s. 76] / *нет плодов, чтобы дать таким, как ты, я не ем плодов из чужого сада.* В качестве наименования плода садового можно привести слово *алма* «яблоко»: *бизкэ килур булса йеңигэ ике алма алып килур иде тэкий огланларнын*

тагма бирүнкә бир алма бирүр ирде [9, s. 172] / *когда он приходил к нам, брал с собой в рукава два яблока и каждому ребенку давал по яблоку.*

Арабское слово *насрин* «шиповник» в тексте «Хосров и Ширин» использовано как сравнение: *Фархад өлди Ширин бар болсун, сарыг гүл солды насрин бар болсун* [10, s. 123] / *умер Фархад, да живет Ширин, увялая желтый цветок, да будет шиповник.*

Из названий южных растений зафиксированы наименования винограда «йүзүм», заимствования из персидского «айва», армуд «груша», бадам «миндаль», хурма «финики». Примеры: *йүзүм ләззәтин баг әйәси билмәс ләким йәтимләр билүр* [9, s. 24] / *сладости винограда не знает хозяин сада, а знают сироты; Йусуф жәмалы мутагайһир болуб алма әңигиңә айва тозу олтурур* [8, p. 117] / *красота подобно Юсуфу изменилась, щеки, подобные яблокам, покрылись налетом, как у айвы; йүз армудын йегәй* [Ibidem, p. 30] / *съест сто груш; мәңә бир авуч бадам берди* [9, s. 426] / *дал мне горсть миндаля; бир мубарак хурма агачы бар* [8, p. 134] / *есть священное дерево финика; сәвүнүчдә казгу бар, хөрмәдә хары бар* [10, s. 46] / *у радости есть горе, у фиников – косточки.* Как видим, кроме основного значения они использованы как сравнения в описании внешности человека.

Анализируя названия пищи животного происхождения, следует остановиться на наименованиях *балык* «рыба» и *әт* «мясо»: *канда татлы сув болса курт, куш өз балык андан ексилмәз* [8, p. 21] / *где протекает пресная вода, там не уменьшается червь, птица и рыба; пайгамбар кой әтидән чәйнайу башлады* [9, s. 33] / *пророк начал жевать баранину; дарахим болмаса, бурчка йемә әт* [8, p. 115] / *если нет денег, не ешь мяса в долг.*

В произведении зафиксированы продукты из мяса, например шурба (от араб. شُرْبَة «суп, микстура, глоток»): *әт берлә шурба кайныйур ирде кем, бер чыпчык күвәч эченә төшите тәкый үлдә* [9, s. 163] / *кипел суп с мясом, воробей упал в эту посуду с супом и умер.*

К подгруппе названий продуктов животного происхождения, употребляемых в пищу, относятся наименования молочных продуктов:

сүт «молоко»: *куйларымыз мунда болса әрди сизләргә сүт бәргәй әрдим* [Ibidem, s. 24] / *если бы животные были здесь, дала бы вам молоко;*

каймак «сливки, продукт из молока»: *карышмыш йаңлыг ол шәкәргә каймак* [10, s. 25] / *словно смешаны сливки с сахаром;*

йогурт «закисшее молоко, йогурт»: *кетүрди бир гариб ер ол йогуртны* [8, p. 40] / *какой-то незнакомый принес йогурт.*

Данная тематическая группа менее многочисленна по сравнению с группой названий растительного происхождения.

В произведении зафиксированы следующие названия напитков: из общих названий – тюркское *ичим* «питье»: *бир ичим сув* [Ibidem, p. 121] / *глоток воды; бир ичим сүт бу ывукдан ичмәгим сәвүклүрәк* [9, s. 295] / *один глоток молока этой газели мне желаннее.* Арабское *ширбәт* (شُرْبَات «сладкий напиток»), гасәл (عَسَل «мед»): *балдин ширбәт кылып чыгарды* [Ibidem, s. 99] / *она вынесла шербет, сделанный из меда; Беренең эчендә хәмер бар ирде, тәкый берендә гасәл бар ирде* [Ibidem, s. 63] / *в одном из них было спиртное, а в другом – мед.*

Из зафиксированных названий спиртных напитков и вин лишь слово *чакыр* «вино» является тюркским: *сув орына улаш акты чакыр бал* [Ibidem, s. 85] / *вместо воды текло вино и мед.* В текстах активно функционируют арабские заимствования *хәмер* (от араб. خَمْر «вино, спиртное»): *һич хәмернең райыхасы йук* [Ibidem, s. 292] / *вообще нет запаха алкоголя; тәкый ни микдар кем дөһиәдә хәмер әчмеш ирде, ул микдар хамим әчүргәйләр* [Ibidem, s. 305] / *сколько на этом свете выпил спиртного, в таком же количестве напоят обжигаяющим кипятком.*

Изучение названий пищи в языке золотоордынских памятников выявило, что они принадлежат к наиболее архаичной лексике. Видовые наименования неравноценны в количественном отношении: наибольшей численностью обладают названия из зерновых, менее богата лексика, относящаяся к спиртным напиткам, которые в основном являются заимствованиями. В подавляющем большинстве случаев арабо-персидские заимствования использованы в качестве синонимов к основным тюркским словам или же они составляют экзотическую подгруппу в наименованиях пищи. Исследование показало, что в произведениях художественной литературы ярко выражен уклад жизни и быта, который представляет первостепенный интерес для исследования языковой картины мира золотоордынского периода.

Список литературы

1. Баязитова Ф. С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. Казан: Дом печати, 2007. 480 б.
2. Замалетдинов Р. Р., Хуснуллина Г. Н. Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 95-100.
3. Кадырова Э. Х. Графо-фонетическая вариативность старотатарского языка в письменных памятниках Казанского ханства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 3. С. 94-96.
4. Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990. 180 с.
5. Нуриева Ф. Ш. «Мухаббат-наме» Хорезми // История татарского литературного языка. Казань: Фикер, 2003. С. 220-239.
6. Нуриева Ф. Ш. «Нахдж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 208 с.
7. Хорезми. Мухаббат-наме / издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. 223 с.
8. Bodrogligeti B. A. Fourteenth century turkic translatiñ of Sa'dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). Budapest: Akademiai. Kiado, 1969. 450 p.
9. Eckmann J. Nehcü'1 – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1956. 444 s.
10. Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. Warszawa: Wydawn. Naukowe, 1958. Tect. 304 s.

FOOD NAMES IN THE TURKIC WRITTEN MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

Nurieva Fanuza Shakurovna, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga region) Federal University
fanuzanurieva@yandex.ru

The article aims to study the food names in the language of the written monuments of the golden Horde period. The author introduces into the scientific circle the whole stratum of thematic and everyday vocabulary from the medieval literary works, presents new information on the adoption of the names of the cereals, leguminous and garden plants, names of the foods of animal origin, dairy products, beverages. The findings allowed concluding on the linguistic means of the old Tatar language for nomination of the objects of material culture. Food names belong to the most archaic vocabulary; Arabo-Persian borrowings are used as synonyms or form an exotic subgroup in the mentioned lexico-semantic group.

Key words and phrases: golden Horde; monuments; vocabulary; names; food; cereals; products.

УДК 811.111'42:32

Филологические науки

Данная работа посвящена выявлению основных признаков образа России и средств их актуализации в современных зарубежных СМИ. Было выявлено, что наиболее частотные из них – средства выражения эмоциональной оценки (33 ед. в корпусе), средства создания стереотипности (23 ед.), средства, реализующие категориальную биполярную оппозицию «свой – чужой» (34 ед.). Среди геополитических стереотипов присутствуют следующие: «великая страна», патриотизм русских, Россия – Азиатская страна, «Россия – медведь» и др.

Ключевые слова и фразы: образ России; способы актуализации; стереотип; признак русского мира; дискурс.

Орлова Олеся Геннадьевна, д. филол. н., доцент
Кемеровский государственный университет
orlovaog@mail.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ[©]

Данная работа посвящена выявлению основных признаков образа России и средств их актуализации в современных зарубежных СМИ. В качестве материала использовались телевизионные передачи и также сайты. Всего для анализа отобрано 108 фрагментов текстов, в которых присутствует наименование страны – Россия, Российская Федерация и пр., наименования других русских и российских реалий и персоналий, а также сопровождающие их разнообразные средства и способы актуализации признаков России и русского мира.

В современной науке исследования образов России и русского представлены достаточно большим количеством работ. Так, например, Ю. А. Сорокин составил автопортрет русского человека, который состоит из пяти слоев; первый слой – супермелиоративный – включает такие качества, как гостеприимные, радушные, добрые, душевные, щедрые, открытые, доверчивые, талантливые, изобретательные. Второй и третий слои – субмелиоративные. Второй слой представляет качество «терпение»: терпеливые, неприхотливые, жизнестойкие, умеют приспосабливаться. К третьему слою относятся слова, выражающие «бунтарство»: неразбуженные, когда-нибудь взорвутся, упрямые, непредсказуемые, агрессивные, лихие, бунтари. Четвертый и пятый слои – гиперпейоративные, и в них представлены такие качества, как несчастные, отчаявшиеся, усталые, издерганные, серые, мрачные, закомплексованные, ленивые, безынициативные, ограниченные [10, с. 46].

По мнению Т. А. Голиковой, в этнический автостереотип русских входят такие характеристики, как беспечность, гостеприимство, доброжелательность, доброта, душевность, лень, общительность, отзывчивость, открытость, простота, пьянство, терпимость, трудолюбие, честность, отсутствие культуры, наглость, высокомерие, болтливость [2, с. 19].

В исследовании В. В. Воробьева представлено лингвокультурологическое описание черт русского национального характера на основе анализа различных текстов, в которых изучались словосочетания с лексемами русский, российский, великорусский. В итоге русскому человеку приписываются такие качества, как религиозность и противоречивость, широта души и соборность и др. [Цит. по: 1, с. 113].

В докторской диссертации В. К. Трофимова ментальность русского человека представлена множественностью качеств, среди которых отмечаются такие, как парадоксальность мышления, устремленность к абсолюту, сердечность, стойкость, свободолюбие, коллективизм, повышенная терпимость [11, с. 12].

Перечисленные выше результаты основаны на разных методологиях, но, в целом, наблюдается совпадение в выделении наиболее частотных признаков России и русского человека. Наше исследование было направлено на выявление стереотипов о России и русском, которые функционируют в американских медиа. Такой подход дает возможность сопоставить автопортрет и гетеропортрет русских и выделить важные